Как бы ни сокрушался Гэто Сугуру, у Годжо Хары на этот счёт было незыблемое правило: сочувствие сочувствием, но в любой ситуации он безоговорочно принимал сторону своего ненаглядного младшего брата.

Поняв, что взывать к совести этого одержимого своим братом человека бесполезно, Сугуру без лишних слов швырнул трубку. Чем больше он говорил, тем сильнее разыгрывалась мигрень.

С мрачным видом сжав кулаки, он направился прямиком к Сатору — тот как раз в очередной раз изводил его подчиненных. Одолеет он сильнейшего или нет, сейчас значения не имело. Главное — врезать как следует.

Заметив, что у друга наконец лопнуло терпение, Сатору расплылся в довольной ухмылке:

— Отлично! Как раз разомнемся!

Безграничная сила приносила свои неудобства: найти достойного соперника для тренировочного боя было той еще задачей. Во всем мире магов сойтись с ним в полную силу мог разве что старший брат, Хара. Если же не использовать проклятые техники, а полагаться исключительно на рукопашный бой, выбор сужался до двух человек — Гэто Сугуру и Дзэньин Тодзи.

Но Дзэньин Тодзи давно превратился в образцового подкаблучника. Все его мысли занимали жена, ребенок да домашний уют; былого азарта к битвам у него не осталось и следа. Да и вообще, за любую попытку вызвать его на бой этот пройдоха заламывал такую цену, что проще было отступиться.

Денег у Сатору, конечно, хватало, но его до глубины души возмущало потребительское отношение наемника, видевшего в нем исключительно дойную корову. К тому же Дзэньин Тодзи под горячую руку мог умышленно поддаться просто ради того, чтобы побыстрее закончить и забрать гонорар. Удовольствия от такой схватки было мало. В итоге Сатору оставил упрямого наемника в покое и переключил все внимание на Сугуру.

Пусть Гэто и специализировался на дальнем бое, управляя проклятиями, его навыки рукопашной схватки были безупречны. За долгие годы упорных тренировок он сравнялся с Сатору, и теперь их спарринги на кулаках превращались в настоящее зрелище, где силы сторон были равны.

Вот только Сатору зачастил со своими визитами. Это не на шутку тормозило работу Гэто, а уж когда в пылу драки рушились стены Главного совета магов, восстанавливать их приходилось за счет вычетов из его жалованья.

Муки офисного клерка, лишенного честно заработанной платы, оказались не по вкусу даже Брату Справедливости. Жить одними лишь высокими идеалами, имея пустой кошелек, — задача не из легких.

Теперь Сугуру то и дело отклонял предложения размяться. Хорошо, если из десятка вызовов он соглашался хотя бы на три. Поняв это, Сатору сменил тактику: вместо вежливых приглашений он принялся откровенно изводить приятеля, выводя его из себя и вынуждая лезть в драку.

И надо признать, этот метод давал отличные плоды. Вот как сейчас: разъяренный до предела Сугуру сам бросился в атаку, позабыв обо всем. Сатору только того и надо было.

Ослепленный гневом Гэто напрочь забыл, что находится на территории Главного совета магов. Масштаб потасовки стремительно рос, и вскоре ударные волны от их столкновений начали крушить окрестные постройки.

Служащие Совета, привычно прикрывая головы руками, бросились врассыпную в поисках укрытия.

— Похоже, штаб-квартиру снова придется отстраивать заново. Господину Гэто опять урежут выплаты.

— Разве они с Годжо не лучшие друзья? Лупят друг друга так, словно злейшие враги.

— Да с таким паршивым характером, как у Сатору, кто вообще в здравом уме станет с ним дружить? Наверняка Гэто просто терпит его выходки, чтобы сохранить расположение господина Хары.

— Вполне возможно. И все-таки, до чего же они сильны! Вот она, истинная мощь магов особого ранга.

— Побереги язык. Они ведь даже проклятые техники не используют, дерутся на кулаках. Сделай они хоть один серьезный выпад — от нас бы и мокрого места не осталось.

Маги Главного совета, затаившись в укрытиях, вполголоса обсуждали бушевавший неподалеку бой.

Скрывавшиеся в глубине уцелевших залов старейшины, которые обычно прятались от посторонних глаз подобно пугливым крысам, на сей раз были вынуждены спешно покинуть свои убежища.

С тех пор как Сугуру занял свой пост, Сатору зачастил сюда с разборками. Здания Главного совета за это время перестраивали столько раз, что со счета можно было сбиться. Теперь старейшины лишились возможности величественно восседать за ширмами, напуская на себя таинственность. Стоило им замешкаться внутри, как очередная взрывная волна грозила похоронить их под обломками. В конце концов, собственная шкура была им куда дороже напускного авторитета.

Наблюдая за царящим вокруг хаосом, верхушка Совета в очередной раз сокрушалась о невозможности уволить Гэто. Тот и сам уже давно вошел в совет старейшин, обладал колоссальной силой и влиянием. Избавиться от него одним росчерком пера теперь было невозможно.

К тому же, видя, как эти двое крушат все вокруг, никто из руководства не рисковал идти на открытый конфликт с Гэто. Все, что они могли сделать для спасения остатков своего авторитета — это выписать ему чисто символический штраф в размере двухмесячного оклада. Вот только среди старейшин Главного совета отродясь не водилось дураков, живущих на одну зарплату.

Гэто Сугуру, вынужденный из-за бесконечных вычетов пахать на износ и брать дополнительные миссии, только молча кривился.

«Какая ирония. Быть одним из правителей мира магов и не иметь при этом никаких теневых доходов — курам на смех».

Впрочем, у этих регулярных потасовок была и обратная, весьма полезная сторона. Ураганные набеги Сатору напрочь развеяли подозрения тех старейшин, которые полагали, что Гэто Сугуру и Годжо Хара ведут двойную игру. Время от времени Сугуру действительно выступал на стороне Хары, причем неоднократно. Из-за этого некоторые нейтральные члены Совета начали всерьез сомневаться в искренности их вражды, помня, что в школьные годы те были близкими друзьями.

Однако яростные кулачные бои, в которых Сатору и Сугуру мутузили друг друга едва ли не до полусмерти, окончательно сняли все вопросы. Рассуждали консерваторы просто: если Гэто в пух и прах рассорился с младшим Годжо, то у него не было ни единого шанса сохранить дружеские отношения с его безумно опекающим старшим братом.

Странные, непредсказуемые отношения парней ставили старейшин в курьезный тупик. То они вели себя как закадычные друзья, то сходились в жестоком поединке, будто злейшие враги. И заподозрить фальшь в этих драках не мог никто: удары наносились в полную силу, кости трещали по-настоящему, а сам Сугуру после таких встреч нередко заявлялся на заседания с багровыми синяками под глазами. Разве можно имитировать подобные побои?

Из соображений гордости или политической выгоды Гэто упрямо отрицал разрыв отношений, но для окружающих все было очевидно. Их «дружба» не стоила и ломаного гроша: любая словесная перепалка неизбежно перерастала в мордобой. Разве так ведут себя близкие люди? Верхушка Совета — эти закостенелые гнилые мандарины, лишенные всякого понимания того, что такое настоящие закадычные враги, — сделала из происходящего в корне неверные выводы.

Случайно подслушавший эти умозаключения Нанами Кэнто лишь молча поправил очки.

Не став спорить с глупостью старейшин, он при первой же возможности пересказал их

разговор Гэто.

— Не беспокойся, — спокойно отозвался Сугуру. — Нам же лучше, если они будут пребывать в этом заблуждении.

Видя непоколебимую уверенность старшего товарища, Нанами вздохнул с облегчением. Он решил, что это тщательно спланированный спектакль, разыгранный Сатору и Сугуру ради отвода глаз. На самом же деле парни просто оставались сами собой. В свое время они действительно обсуждали возможность разыграть перед Советом сцену трагического разрыва, но быстро сошлись на том, что в этом нет нужды. Старейшины сами охотно додумывали драму, стоило друзьям пообщаться в привычной манере.

Вот и сейчас дряхлые интриганы потирали руки, уверенные, что хрупкому союзу магов пришел конец. Подобный расклад побуждал их активнее заигрывать с Гэто, пытаясь настроить его против братьев Годжо.

Сугуру умело подыгрывал их манипуляциям. Под этим предлогом он велел Сатору не соваться в Главный совет как минимум три месяца — якобы во избежание подозрений. На деле же он просто искал благовидный повод избавиться от назойливого приятеля и пожить в тишине.

Разумеется, Сатору раскусил этот маневр. Обиженно надувшись, он пригрозил на прощание:

— Да ради бога! Даже если на коленях будешь умолять — больше пальцем тебя не трону!

После этого уязвленный сильнейший помчался к старшему брату жаловаться на несправедливость судьбы:

— Хара! Сугуру совсем обнаглел! Променял меня на этих старых маразматиков и велел на глаза ему не показываться!

Хара ласково похлопал Сатору по спине, сочувственно вздохнув:

— Хочешь, я просто вырежу весь этот Совет под корень?

Никакие высшие цели и планы на будущее не имели веса, если на чаше весов лежало спокойствие младшего брата. Раз старые глупцы посмели расстроить Сатору, им незачем было топтать эту землю.

Что же до Гэто… Его Хара решил просто как следует проучить. Смерть лучшего друга ранила бы Сатору, а вот хорошая взбучка пошла бы упрямцу на пользу.

Сатору театрально извлек откуда-то шелковый платок и принялся усердно тереть сухие уголки

глаз, изображая глубокую скорбь:

— Ну что ты, в этом нет необходимости… Лучше испеки мне торт. Моя израненная нежная душа отчаянно нуждается в утешении в виде твоей домашней выпечки.

Истинные намерения наконец-то выплыли наружу.

Хара не сдержал мягкой улыбки:

— Хорошо-хорошо. И какое же лакомство вернет улыбку моему дорогому Сатору?

Услышав ласковый, убаюкивающий тон, Сатору устроился головой на коленях брата и, капризно надув губы, принялся перечислять на одном дыхании:

— Клубничный дайфуку, манговый пудинг, черничный мусс, шоколадный фондан…

Сколько бы названий ни слетало с губ младшего, Хара со всем соглашался. Набрав короткий номер, он распорядился доставить свежие ингредиенты в их загородный особняк. Стоило братьям приехать на место, как все необходимое уже ждало их на кухонном столе.

Впрочем, Сатору не собирался сидеть сложа руки и упрямо втиснулся на кухню помогать. В конце концов, этот парень был безупречен во всем, за исключением своего несносного характера. Кулинарный талант не стал исключением: в кондитерском искусстве он едва ли уступал старшему брату.

Глянцевый блеск глазури, аромат ванили и тепло духовки наполнили комнату уютом.

Глядя на то, с каким увлечением Сатору возится с тестом, Хара не мог сдержать улыбки. Теплой, искренней, лишенной той привычной вежливой маски, которую ему приходилось носить перед остальным миром.

Когда длинный обеденный стол наконец заполнился разноцветными десертами, Сатору почувствовал себя мышью, пробравшейся в амбар с зерном. Куда ни глянь — кругом любимые лакомства. Он с головой погрузился в это сладкое изобилие, сияя от чистого, незамутненного счастья.

Сам Хара к сладкому относился прохладно. Даже в те времена, когда Шесть глаз требовали колоссальных ресурсов для работы мозга, он предпочитал утолять этот голод питательными протеиновыми батончиками, лишь изредка позволяя себе десерты.

Поначалу и Сатору не испытывал особой тяги к сладостям. Все изменила физиология: Шесть глаз поглощали глюкозу в огромных количествах, и десерты оказались самым быстрым

способом восстановить баланс. Со временем чувство насыщения и выработка дофамина прочно связались в его сознании с кондитерскими изделиями. Так он и превратился в заядлого сладкоежку. Дошло до того, что теперь даже Хара не мог с уверенностью сказать, обусловлена ли эта страсть потребностями Шести глаз или Сатору действительно полюбил пирожные всей душой.

Впрочем, какая разница? Харе было вполне достаточно знать, чего хочет его брат, и уметь это приготовить. Любуясь Сатору, который сейчас напоминал довольного сытого кота, он желал лишь одного: чтобы этот несносный мальчишка оставался счастливым каждую секунду своей жизни.

Ведь его Сатору был главным сокровищем этого мира. Вся вселенная должна была вращаться вокруг него одного. Да и смогло бы это мироздание уцелеть, лишись оно его яркого света? Вряд ли.

Уничтожив добрую половину угощений, Сатору наконец удовлетворенно откинулся на спинку стула, потирая набитый живот. Чтобы немного растрясти съеденное, Хара уговорил его отправиться на пешую прогулку — калорий сегодня явно было получено с избытком.

Наедине с братом Сатору болтал без умолку. Мысли его метались со сверхзвуковой скоростью: от жалоб на ленивых студентов он мгновенно перескакивал на обсуждение новых клумб, высаженных во дворе Токийского магического колледжа. Постороннему человеку такой сумбурный монолог показался бы верхом эгоцентризма и неуважения к собеседнику.

Однако Хара слушал с искренним интересом. Он без труда улавливал логические связи в хаотичном потоке слов, вовремя подхватывал новые темы и ни разу в жизни не упрекнул брата в непоследовательности.

Будучи гением, Сатору часто опускал в речи промежуточные рассуждения, которые казались ему очевидными. Это напоминало решение сложнейшей математической задачи, в которой пишется только конечный ответ — просто потому, что расписывать весь процесс автору кажется пустой тратой времени.

Окружающие, видя лишь сухой итог, часто терялись и считали его чудаком, чьи мотивы невозможно понять. Харе же было достаточно одного взгляда на этот «ответ»: в его разуме мгновенно выстраивалась вся цепочка умозаключений брата, раскрывая глубинный смысл сказанного.

Порой Сатору хватало простого жеста или взгляда, чтобы брат понял его без слов. Эта поразительная ментальная связь, граничащая с телепатией, спасала их от экзистенциального одиночества, столь знакомого всем исключительным людям. Они знали: в этом мире у них есть тот, кто поймет их до конца.

Со стороны их беседы могли показаться набором разрозненных, лишенных смысла фраз, но для них двоих этот диалог был абсолютно цельным и логичным.

Чужакам не дано было проникнуть в этот закрытый мир. Подобное единение душ, когда два человека чувствуют себя половинами единого целого, оставалось недостижимой вершиной для простых смертных.

Прогуливаясь под сенью вечерних улиц, братья сами не заметили, как забрели в район Бэйка.

***

Район Бэйка

Стоило им пересечь невидимую границу этого места, как они словно провалились в аномальную зону. Едва они поравнялись с неприметным ресторанчиком, как внутри тут же раздались крики — очередного незадачливого посетителя отравили прямо за обедом. Спустя пару минут у входа уже парковались патрульные машины во главе со знакомым инспектором Мегуре.

Хара и Сатору остановились среди зевак. Благодаря своему внушительному росту — оба были значительно выше метра девяносто — они без труда созерцали происходящее поверх голов толпы. Внутри обеденного зала вовсю суетился юный детектив Синъити Кудо.

Сатору хмыкнул, ничуть не удивившись:

— Ну надо же, и этот мелкий тут как тут. Настоящий ходячий проклятый объект. Стоит ему где-то появиться, как тут же остывает труп.

— Полагаю, это местный колорит, — философски заметил Хара. — К тому же, в Бэйка-тё на удивление низкая концентрация проклятых духов.

На первый взгляд это казалось абсурдом. Район с запредельным уровнем убийств должен был так и кишеть проклятиями, рожденными из злобы, страха и жажды мести. Однако магическая статистика упрямо твердила об обратном: проклятая энергетика здесь оставалась на удивление чистой.

Секрет крылся в поразительном хладнокровии местных жителей. Едва в чьей-то душе зарождалась жгучая ненависть, способная породить проклятого духа, этот человек не копил обиду в себе, а шел и хладнокровно убивал обидчика. Как только месть свершалась, порочный круг разрывался: источник негативных эмоций исчезал, а зарождающееся проклятие, лишившись подпитки, бесследно рассеивалось.

Хара даже не знал, как относиться к подобному феномену. С одной стороны, работы у магов убавлялось, с другой — криминалисты района Бэйка работали без продыху.

Лицо Сатору тоже приняло озадаченное выражение. Он прекрасно знал, по каким нелепым

поводам здесь порой проливалась кровь. Соседские цветы разрослись и залезли на чужую клумбу? Идеальный мотив для отравления. Никаких психотерапевтов и внутренних терзаний — только радикальное решение проблем на месте.

Жители Бэйка-тё возвели эгоцентризм в абсолют: живи в свое удовольствие, не терпи обид, а если кто-то мешает — избавься от него. Психологическая гибкость этих людей не могла не вызывать циничного восхищения.

Вот и сейчас в толпе зевак не наблюдалось ни паники, ни сострадания. Все послушно ждали, пока Синъити Кудо закончит свой классический разбор полетов среди трех подозреваемых. Как только на запястьях убийцы защелкнулись наручники, а санитары унесли тело, толпа как ни в чем не бывало хлынула внутрь заведения — занимать освободившиеся столики. Зрелище определенно пробуждало аппетит.

Действительно, после долгого стояния на улице проголодались многие. А рассуждения о том, этично ли ужинать там, где еще полчаса назад лежал покойник, местных не заботили. В конце концов, найдите в этом районе хоть одно кафе, где никого не пришили.

Напротив, умудренные опытом бэйкавцы знали: заведение, где только что раскрыли мокрое дело, на какое-то время становится самым безопасным местом в городе. Закон парных случаев здесь работал редко, а значит, наступал идеальный момент для спокойной трапезы.

Тем более что конфликт произошел исключительно между покойным клиентом и конкретным официантом. Ни шеф-повар, ни владелец заведения под раздачу не попали, так что кухня продолжала работать в штатном режиме.

Переглянувшись, братья пожали плечами и двинулись следом за всеми. И пускай Сатору совсем недавно едва мог дышать от обилия съеденных пирожных, к полноценному ужину это не имело никакого отношения. Для десертов и нормальной еды у него всегда были разные желудки.

— Господа Годжо! — раздался сзади звонкий юношеский голос.

В толпе японцев братья возвышались подобно двум белоснежным пикам, так что Синъити заметил их с первого взгляда. Оставив инспектора Мегуре оформлять задержанного, юный детектив поспешил навстречу старым знакомым.

Будучи обычным человеком, Кудо старался без лишней надобности не лезть в дела магов. Если в его практике и проскальзывали дела с налетом чертовщины, он предпочитал связываться со своими ровесниками — Яо Годзё или Ю Минагавой. Но упустить возможность лично поговорить с главами клана он просто не мог.

Братья притормозили. Когда запыхавшийся юноша поравнялся с ними, Хара дружелюбно кивнул:

— Давайте пройдем внутрь. Там будет удобнее.

Они арендовали уютный отдельный кабинет, скрытый от шума общего зала, чтобы спокойно поговорить без лишних ушей.

— Господин Хара, господин Сатору, — сразу перешел к делу Синъити, едва за ними закрылась дверь. — Я хотел спросить насчет той проклятой драгоценности, которую похитил Кайто Кид… Драгоценного камня «Пандора».

В прошлый раз их общение оборвалось на том, что Хара фактически позволил неуловимому вору унести реликвию. Никаких объяснений после этого не последовало. Кудо долго мучился неопределенностью, но беспокоить столь влиятельных людей из праздного любопытства стеснялся.

Хара удивленно приподнял бровь:

— Вот как? Разве Кид ничего тебе не рассказал?

— В том-то и дело, что нет! — развел руками детектив. — С той самой ночи этот джентльмен удачи словно сквозь землю провалился. У меня просто не было возможности выйти с ним на связь.

Кудо планировал устроить воришке засаду на его следующем деле, но тот будто залег на дно. Даже когда старый пройдоха Судзуки Дзирокити приобрел очередную баснословно дорогую безделушку и раструбил об этом на все газеты, высылая персональный вызов, ответа не последовало. Иллюзионист словно завершил свою карьеру.

Хара снисходительно улыбнулся:

— Все гораздо проще. За этим камнем охотился крупный международный синдикат. Вот только слухи о проклятии «Пандоры» оказались чистейшей правдой: любой ее владелец мгновенно превращается в ходячий магнит для катастроф. Поэтому я позволил Киду забрать артефакт с одним условием — при первой же встрече со своими преследователями он должен был «случайно» уступить его им. Ну а дальше… Полагаю, ты не мог пропустить недавние сводки Интерпола о полной ликвидации преступного синдиката, известного как синдикат «Животных»?

Будучи профессионалом, Синъити внимательно отслеживал подобные новости. Пазл в его голове мгновенно сложился:

— Хотите сказать… могущественную организацию, которую годами не могли выследить спецслужбы мира, накрыли только из-за того, что они стали катастрофически невезучими?

Детектив почувствовал, как у него слегка кружится голова. Чтобы рациональный разум принял концепцию «смертоносного невезения от камушка», требовались колоссальные усилия.

В этот момент Сатору с легким щелчком фокусника извлек из кармана до боли знакомый ограненный кристалл и с ухмылкой протянул его юноше:

— Не веришь? Можешь подержать, проверишь на себе.

http://bllate.org/book/19549/2004383